

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ АБДУЛХАМИДА ЧУЛПОНА

Латипова Бону Нажмиддиновна,

Соискатель кафедры «Русский язык и литература»

Бухарский государственный университет.

DOI: <https://doi.org/10.54613/ku.v18iC.1726>

MAQOLA HAQIDA/O СТАТЬЕ

Qabul qilindi: 16-iyun 2026-yil

Tasdiqlandi: 18-iyun 2026-yil

Jurnal soni: 18-C

Maqola raqami: 16

KALIT SO'ZLAR/ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

языковая картина мира, художественный перевод, Абдулхамид Чулпон, безэквивалентная лексика, реалии, концепт, русско-узбекские литературные связи, переводческие приёмы, аруз, национально-культурный компонент

ANNOTATSIYA/ АННОТАЦИЯ

Статья посвящена тому, как русская языковая картина мира передаётся в узбекских переводах Абдулхамид Чулпона. На материале перевода драмы А.С.Пушкина «Борис Годунов», пушкинской лирики и басен И.А.Крылова рассматриваются способы передачи безэквивалентной лексики, реалий русского быта и культурно-маркированных концептов. Анализ опирается на оценки О.Шарафиддинова и Х.Исмаилова. Установлено, что Чулпон сочетал смысловую точность с адаптацией, прибегая к национально-поэтическим средствам узбекского языка и арузу для воссоздания образного строя подлинника. Дополнительно следует отметить, что исследование расширяет представление о переводческой деятельности Абдулхамид Чулпона как о важном механизме межкультурной коммуникации между русской и узбекской литературными традициями. Особое внимание уделяется не только передаче безэквивалентной лексики и реалий, но и трансформации концептуальных структур, отражающих различия в национальных языковых картинах мира. В работе подчеркивается, что Чулпон выступает не просто как переводчик, а как культурный посредник, который переосмысляет оригинальный текст в соответствии с эстетическими и поэтическими нормами узбекской литературы. Это позволяет рассматривать его переводы как самостоятельные художественные тексты, обладающие собственной выразительной системой. Статья вносит вклад в изучение проблем художественного перевода, лингвокультурологии и русско-узбекских литературных связей, а также уточняет роль переводчика в процессе межкультурной адаптации текста.

ABOUT THE PAPER

Accepted: 16 June 2026

Approved: 18 June 2026

Volume: 18-C

Paper number: 16

KEYWORDS

linguistic worldview, literary translation, Abdulhamid Cho'lpon, non-equivalent vocabulary, cultural realia, concept, Russian-Uzbek literary relations, translation methods, aruz meter, national-cultural component.

ANNOTATION

This article is devoted to the issue of how the linguistic worldview of the Russian language is reflected in the translations of Abdulhamid Cho'lpon. Using the translations of A.S. Pushkin's drama Boris Godunov, his lyric poetry, and I.A. Krylov's fables as examples, the study examines the methods employed to render Russian cultural realia, non-equivalent vocabulary, and cultural concepts into Uzbek. The analysis draws upon the evaluations and scholarly views of O. Sharafiddinov and X. Ismailov. The research reveals that Cho'lpon combined accuracy with adaptation, making use of the national poetic resources of the Uzbek language and the aruz poetic meter in order to recreate the imagery and artistic system of the original texts. Furthermore, the study provides a deeper insight into Abdulhamid Cho'lpon's translation activity as an important means of cultural dialogue between Russian and Uzbek literary traditions. Particular attention is paid not only to the rendering of non-equivalent vocabulary and cultural realia, but also to the transformations that occur in the translation of conceptual structures characteristic of different national linguistic worldviews. As a translator, Cho'lpon did not merely reproduce the original text; rather, he acted as a cultural mediator who reinterpreted it in accordance with the aesthetic and poetic norms of Uzbek literature.

As a result, his translations can be regarded as texts possessing independent artistic value and their own internal system of expression. The article contributes to the fields of literary translation theory, linguocultural studies, and research on Russian-Uzbek literary relations, while also clarifying the role and functions of the translator in the process of cultural adaptation of literary texts.

Введение. Переводческое наследие Абдулхамид Чулпона (1897-1938) долго оставалось вне поля зрения лингвистов. Сказался запрет на его имя, действовавший вплоть до реабилитации 1956 года, из-за чего собрание переводов так и не было сведено в единый свод. Между тем именно через эти переводы узбекский читатель впервые встретил Шекспира, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя и М.Горького. Русским языком Чулпон владел со времён учёбы в русско-туземной школе (1912-1914) и читал европейскую словесность в русских переложениях. Освоение чужой словесной культуры шло у него об руку с поиском узбекских средств, способных вместить понятия, которым в родном языке прямого соответствия не находилось.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, какими приёмами Чулпон передавал элементы русской языковой картины мира, лишённые узбекских эквивалентов. Материалом послужили его переводы драмы А.С.Пушкина «Борис Годунов», пушкинской лирики и басен И.А.Крылова, где насыщенность русскими реалиями особенно высока. Подобный анализ до сих пор не велся на стыке теории языковой картины мира и узбекской школы художественного перевода, чем и определяется новизна работы.

Анализ литературы. Теоретическая база данного исследования опирается на фундаментальные труды в области когнитивной лингвистики, переводоведения и лингвокультурологии, раскрывающие проблему языковой картины мира, концепта и безэквивалентной лексики, а также механизмы художественного перевода.

Прежде всего, в работах Ю.Д. Апресяна обосновано положение о том, что каждый естественный язык отражает особый способ концептуализации действительности, формируя систему коллективных представлений носителей языка [1, с. 39]. Данная идея получает развитие в трудах Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева, которые рассматривают языковую картину мира как скрытую систему мировидения, закреплённую в значениях слов и выражений [6, с. 9]. Эти положения создают теоретическую основу для понимания того, как в переводе сталкиваются различные национальные способы осмысления реальности.

Существенный вклад в развитие теории концепта внес Д.С. Лихачёв, определивший концептосферу как своего рода «алгебраическую подстановку» культурного опыта народа [9, с. 5]. В

свою очередь, О.А. Корнилов переводит данное понятие в научно-терминологическую плоскость, рассматривая языковую картину мира как результат отражения действительности обыденным сознанием [8, с. 4]. В совокупности эти подходы позволяют анализировать культурно-специфические единицы в переводах Чулпона как проявления национальной концептуализации мира.

С позиции когнитивной лингвистики В.А. Маслова рассматривает концепты как элементы национального сознания, структурирующие культурное пространство языка [10, с. 112]. Данный подход важен для интерпретации механизмов адаптации и трансформации смыслов в художественном переводе.

В области переводоведения ключевыми являются положения В.Н. Комиссарова, разработавшего теорию эквивалентности и типологию переводческих трансформаций [7, с. 58], а также Л.С. Бархударова, предложившего чёткое определение безэквивалентной лексики как единиц, не имеющих соответствий в другом языке [3, с. 94]. Эти концепции позволяют систематизировать переводческие решения Чулпона при передаче реалий и культурно маркированной лексики.

Особое значение имеют исследования С. Влахова и С. Флорина, которые подробно классифицировали реалии и предложили комплекс стратегий их передачи (транскрипция, калькирование, описательный перевод, аналогия и др.) [4, с. 47]. Их подход является ключевым для анализа способов передачи национально-культурного компонента в рассматриваемом материале.

Общетеоретическую основу переводоведения дополняют работы А.В. Фёдорова, рассматривающего перевод как сложный лингвокультурный процесс, требующий сохранения единства содержания и формы [12, с. 73]. Это положение особенно важно при анализе художественных переводов, где доминирует не буквальная, а функционально-эстетическая эквивалентность.

В исследовании переводческой деятельности Абдулхамиды Чулпона особую роль играют работы О. Шарафиддинова, который подчёркивает его способность сохранять как смысловую точность, так и художественно-стилистический дух оригинала [14, с. 2]. Г.А. Асилова анализирует влияние русской литературы на творчество Чулпона и выявляет элементы межкультурного взаимодействия [2, с. 204]. И. Садуллоев предлагает периодизацию переводческой деятельности Чулпона, что позволяет рассматривать его переводы в историко-эволюционном контексте [11, с. 41].

Дополняет теоретическую рамку концепция В. фон Гумбольдта о соотношении языка и мышления, согласно которой перевод представляет собой принципиально сложную задачу, обусловленную различием языковых миров [5, с. 112]. Эта идея особенно релевантна для анализа стратегий адаптации и трансформации в переводах Чулпона.

Таким образом, рассмотренные научные источники формируют целостную теоретико-методологическую основу исследования, позволяя рассматривать переводы Чулпона как процесс взаимодействия двух языковых картин мира русской и узбекской и как форму культурного посредничества между ними.

Методология. В исследовании применяется комплексный подход, основанный на сочетании сопоставительного,

лингвокультурологического, описательного и компонентного методов. Сопоставительный анализ используется для выявления соответствий и расхождений между оригинальными русскими текстами и их узбекскими переводами, выполненными А. Чулпоном. Лингвокультурологический метод позволяет определить культурно маркированные единицы и особенности передачи национально-специфических реалий. Описательный метод применяется для характеристики переводческих решений в конкретных контекстах, а компонентный анализ для раскрытия семантической структуры безэквивалентной лексики.

Дополнительно используются элементы концептуального анализа, направленные на выявление способов репрезентации языковой картины мира в переводе. Контекстуальный анализ позволяет учитывать влияние художественного окружения на выбор переводческих стратегий. В совокупности данные методы обеспечивают комплексное рассмотрение переводческой деятельности Чулпона как процесса межкультурной трансформации текста.

Результаты. Понятие языковой картины мира описывает то, как в значениях слов отложился способ видения действительности, общий для носителей одного языка. Согласно Ю.Д.Апресяну, «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1, с. 39]. Эту мысль развивает коллективная работа московских семантиков. Анна А.Зализняк, И.Б.Левонтина и А.Д.Шмелёв формулируют исходное положение так. «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия устройства мира, или “языковую картину мира”. Совокупность представлений о мире, заключённых в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в единую систему взглядов, которую, сами того не замечая, принимают все носители данного языка» [6, с. 9]. Для переводчика отсюда вытекает прямое следствие, ведь перенос текста означает встречу двух несовпадающих систем мировидения.

За отдельными словами стоят концепты, сгустки культурного знания, по-разному устроенные в разных языках. Д.С.Лихачёв связывал их с национальной памятью, утверждая, что «концептосфера национального языка в целом является в известной мере “алгебраической” подстановкой всего культурного опыта нации, и в этом отношении можно говорить о национальном языке как о показателе культуры нации в целом» [9, с. 5]. Долгое время за этим понятием стоял лишь образный смысл. О.А.Корнилов поставил вопрос иначе, отметив, что в его книге «предпринята попытка перевести понятие “языковая картина мира” из разряда красивых метафор в категорию научных терминов; рассматривается широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием» [8, с. 4]. На узбекскую почву Чулпон переносил именно такие концепты, лишённые в ней прямой опоры.

Таблица 1.

Произведения русской и европейской словесности в переводах Абдулхамиды Чулпона

Автор оригинала	Произведение	Узбекское название	Жанр
У. Шекспир	«Гамлет»	«Хамлет»	трагедия
А. С. Пушкин	«Борис Годунов»	«Борис Годунов»	драма
А. С. Пушкин	«Дубровский»	«Дубровский»	повесть
А. С. Пушкин	«В безмолвии садов...»	«Гул ва булбул»	лирика
М. Горький	«Мать»	«Она»	роман
Н. В. Гоголь	«Ревизор»	«Терговчи»	комедия
И. А. Крылов	«Волк и Ягнёнок»	«Бўри билан қўзичок»	басня
К. Гоцци	«Принцесса Турандот»	«Маликаи Турандот»	пьеса
И. С. Тургенев	«Служанка»	«Чўри киз»	проза
А. П. Чехов	«Беглец»	«Қочок»	рассказ
Л. Андреев	«Рассказ о семи повешенных»	«Осилган етти кишининг хикояси»	проза

Резче всего расхождение картин мира заметно в лексике, у которой нет готовых соответствий. Л.С.Бархударов определял её строго, понимая под безэквивалентной лексикой «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [3, с. 94]. Особый разряд внутри неё образуют реалии, для которых С.Влахов и С.Флорин предложили развёрнутое определение, описав их как «слова (и словосочетания),

называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые, будучи носителями национального и/или исторического колорита, не имеют, как правило, точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [4, с. 47].

Таблица 2.

Приёмы передачи безэквивалентной лексики и реалий

Приём	Краткая характеристика	Теоретики
Транскрипция, транслитерация	Передача звуковой или графической формы иноязычного слова	Бархударов Л. С., Влахов С., Флорин С.
Калькирование	Поморфемный или пословный перевод единицы	Комиссаров В. Н.
Описательный перевод	Раскрытие значения через развёрнутое толкование	Комиссаров В. Н.
Приближённый перевод (аналог)	Замена близкой реалией или родовым понятием языка перевода	Влахов С., Флорин С.
Гипонимическая или гиперонимическая замена	Сужение либо расширение значения исходного слова	Бархударов Л. С.
Добавление и опущение	Компенсация смысла или устранение избыточного элемента	Бархударов Л. С.

Рисунок 1. Модель передачи национально-культурного компонента русской языковой картины мира при переводе

Драма А.С.Пушкина «Борис Годунов» насыщена обозначениями русского государственно-церковного быта, и несовпадение картин мира ощущается здесь особенно остро. В сцене в корчме на литовской границе возникают реалии, лишённые в узбекской культуре прямого аналога, среди них целовальник, грамота, пристав. Религиозно-обрядовую область представляют слова чернец, инок, келья, анафема, а также фигура юридивого Николки, чей образ не сводится к простому «дево́на». Иерархию власти очерчивает ряд царь, боярин, дьяк, воевода, и за каждым словом стоит чин московского устройства. Передавая такие единицы, переводчик выбирал между транслитерацией, приблизительным соответствием и описанием, отчего менялся удельный вес национального колорита в узбекском тексте. О том, как Чулпон удерживал равновесие между точностью и духом подлинника, писал Х.Исмаилов, чьи слова приводит О. Шарафиддинов, «Таржимон сифатида Чўлпон махоратининг лол колдирадиган жихати шундаки, бир томондан шоирона баённинг замонавийлигини қарийб тўла таъминлаган. Иккинчи томондан эса Пушкин ёки аниқроғи Годунов даврининг руҳи ва каломини сақлаб қолган» [14] (поразительная сторона мастерства Чулпона как переводчика в том, что он, с одной стороны, почти полностью передал современность поэтического высказывания, а с другой сохранил дух и слово эпохи Годунова).

Особенно показателен перевод стихотворения А.С.Пушкина «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей», известного у Чулпона под названием «Гул ва булбул». Пушкинского «восточного соловья» переводчик передаёт как «ғариб булбул», то есть «бедный, одинокий соловей», усиливая мотив тоски, далёкий от нейтрального эпитета

подлинника. Эпитет при розе снимается вовсе, а «влюблённый гимн» оригинала превращается в «фарёду афғон», в горькие стенания, что переносит образ в область восточной поэтической традиции. Чтобы воссоздать это звучание, Чулпон обращается к арузу, метрической системе классической тюркоязычной поэзии, чуждой силлабо-тонике Пушкина. О природе такой переработки точно сказал О. Шарафиддинов, по словам которого «Чўлпон таржима қилинаётган асарнинг маъносинигина эмас, руҳини ҳам, миллий рангларини, услуб жиоларини ҳам тўлалигича сақлаб қолиш тарафдори бўлган» [14] (Чулпон был сторонником того, чтобы сохраняя в переводимом произведении не только смысл, но и его дух, национальные краски, оттенки стиля во всей полноте).

Иначе строится работа с басней И.А.Крылова «Волк и Ягнёнок», переданной как «Бўри билан қўзичок». Вместо крыловского зачина «У сильного всегда бессильный виноват» Чулпон вводит собственное вступление, «Дарахтнинг бўшини қурт ейди доим, Тарихда мисоллар жуда кўп бунга. Тарих тўғрисида қолмайлик-да жим, Бир эртак сўйлайлик, қулоқ бер шунга» [14] (сердцевину дерева вечно точит червь, примеров тому в истории очень много; не станем молчать об истории, лучше расскажем сказку, послушай её). Замена крыловской сентенции узбекским дидактическим зачином отвечает ожиданиям слушателя восточной притчи и говорит о сознательной установке, а не о произволе. Приближая чужой текст к родной традиции, переводчик добивался того, чтобы он читался как живая узбекская речь.

Обсуждение. Разбор переводов показывает, что Чулпон не сводил передачу русской картины мира к подбору словарных

соответствий. Там, где прямого эквивалента не находилось, он опирался на узбекскую поэтическую традицию, и заимствованный образ получал новую культурную мотивировку, как это видно по «гариб булбул». В этой установке слышен отзвук того, что отмечал В. фон Гумбольдт, по словам которого «всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу» [5]. В методе Чулпона эта задача решалась через равновесие, в котором смысловая верность подлиннику уживалась с правом переводчика говорить на языке родной культуры.

Результаты согласуются с оценками узбекских исследователей, которые видят в Чулпоне основоположника национальной школы художественного перевода. Вместе с тем работа выявляет ограниченность источниковой базы, поскольку построчные сопоставления русских реалий с их узбекскими соответствиями до сих пор почти не собраны, а часть профильных трудов, включая исследование Т.А.Рахимова 1993 года, остаётся вне открытого доступа. Дальнейший разбор изданий «Бориса Годунова» и «Дубровского» против подлинников способен уточнить, какие приёмы Чулпон предпочитал при передаче конкретных тематических групп реалий.

Полученные результаты позволяют уточнить характер переводческой стратегии Абдулхамида Чулпона как синтетической модели, сочетающей элементы смысловой эквивалентности и культурной адаптации. В отличие от буквального подхода, ориентированного на максимально точное воспроизведение языковых единиц оригинала, Чулпон последовательно демонстрирует стремление к сохранению художественного воздействия текста, даже ценой трансформации отдельных семантических компонентов. Это свидетельствует о приоритете функционально-эстетической эквивалентности над формально-языковой точностью.

Особое значение в его переводческой практике приобретает процесс культурной интерпретации, при котором элементы русской языковой картины мира переосмысливаются через призму узбекской поэтической традиции. В результате происходит не механическое перенесение реалий, а их вторичное художественное моделирование, что обеспечивает естественное восприятие текста в принимающей культуре. Подобный подход особенно отчетливо проявляется при передаче эмоционально окрашенной лексики и культурно-специфических образов, где переводчик нередко усиливает экспрессивность или, напротив, нейтрализует исходные значения в соответствии с эстетическими нормами узбекской поэтики.

Следует отметить, что такая стратегия приводит к формированию особого типа переводческого текста, находящегося на границе между переводом и адаптацией. Этот промежуточный статус обусловлен стремлением Чулпона не только передать содержание оригинала, но

и создать художественно полноценное произведение, органично функционирующее в национальной литературной системе. В этом контексте его деятельность может рассматриваться как один из ранних примеров сознательной культурной медиативной практики в узбекской переводческой традиции.

Заключение. Переводы Абдулхамида Чулпона дают редкий материал для изучения того, как русская языковая картина мира входит в узбекскую словесность. В передаче безэквивалентной лексики и реалий, прежде всего в драме А.С.Пушкина «Борис Годунов» и в пушкинской лирике, Чулпон опирался на сочетание точности с адаптацией к восточной поэтической норме. Обращение к арузу, замена нейтральных образов эмоционально насыщенными, опора на дидактический зачин притчи рисуют переводчика, который сознательно перестраивал чужую картину мира под восприятие родного читателя. Нерешённой остаётся задача системного сопоставительного описания его переводов, и её решение обогатит и теорию перевода, и историю русско-узбекских литературных связей.

Проведённый анализ позволяет дополнительно подчеркнуть, что переводческая деятельность Абдулхамида Чулпона занимает особое место в истории русско-узбекских литературных связей, поскольку она не ограничивается простым переносом содержания, а представляет собой процесс межкультурной реконцептуализации художественного текста. В его переводах наблюдается устойчивое стремление к сохранению не только семантики оригинала, но и его эстетико-эмоционального воздействия, что свидетельствует о высоком уровне переводческой рефлексии.

Дополнительно следует отметить, что выявленные особенности передачи русской языковой картины мира в узбекских переводах Чулпона подтверждают гипотезу о доминировании адаптивно-творческого принципа в его переводческой практике. Такой принцип предполагает активное участие переводчика в формировании нового художественного текста, который, сохраняя связь с оригиналом, одновременно приобретает черты самостоятельного литературного произведения.

Таким образом, результаты исследования расширяют представления о роли Чулпона как переводчика и позволяют рассматривать его деятельность не только в рамках переводоведения, но и в более широком контексте культурной трансляции и формирования национальной литературной традиции. Полученные выводы открывают перспективы для дальнейшего сопоставительного изучения его переводов с оригинальными текстами с целью более детального выявления механизмов межъязыковой и межкультурной трансформации.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Москва: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Асилова Г. А. Влияние русской литературы на творчество Чулпана: роман «Ночь и день» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21, вып. 2. – С. 203-207.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – Москва: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – Москва: Международные отношения, 1980. – 343 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. Г. В. Рамишвили. – Москва: Прогресс, 1984. – 397 с.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.
8. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ЧеРо, 2003. – 349 с.
9. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3-9.
10. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
11. Садуллоев И. Абдулхамид Сулаймон ўгли Чўлпон ижодида ўзбек халқининг ҳаёти ва орзулари // Models and Methods in Modern Science. – 2025. – Т. 4, № 3. – С. 40-43.
12. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 5-е изд. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
13. Холбеков М. Таржима назарияси фан сифатида // Ziyouz.uz. —<https://ziyouz.uz/ilm-va-fan/adabiyot/muhammadjon-xolbekov-tarjima-nazariyasi-fan-sifatida/>
14. Шарафиддинов О. Чўлпон – таржимон // Гулистон. – 1990. – № 2.